

ВАДИМ ЛЕВЕНТАЛЬ

ВАДИМ
ЛЕВЕНТАЛЬ

КОМНАТА СТРАХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)
Л35

Оформление переплёта — *Аида Сидоренко*

Левенталь, Вадим Андреевич.

ПЗ5 Комната страха / Вадим Левенталь. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 362, [6] с. — (Проза Вадима Левенталья).

ISBN 978-5-17-091453-1

Мало написать «люблю», чтобы читатель понял — герой полюбил, и мало написать «ужас», чтобы у нас по спине рассыпались мурашки. Автор «Комнаты страха» умеет сделать так, чтобы его словам поверили. Сборник малой прозы Вадима Левенталья, блестяще дебютировавшего романом «Маша Регина», открывает новые грани его дарования — перед нами сочинитель таинственных историй, в которых миражи переплетаются с реальностью, а предметы обнажают скрытый в них огонь. Городской нуар и готическая новелла — вот жанры, которым на этот раз отдает дань финалист премии «БОЛЬШАЯ КНИГА» Вадим Левенталь.

Завершает книгу повесть «Доля ангелов» — скупое, с ледяным лаконизмом рассказывающая о страшных днях Ленинградской блокады.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-091453-1

© Вадим Левенталь
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Комната страха. <i>Рассказы</i>	7
Лапа Бога	9
Проснись, ты сейчас умрешь	21
Carmen Flandriae	51
Суд идет	98
Станция Крайняя	124
«Ча-ща» пиши с буквой кровь	159
Холм Яникул	198
Устойчивое равновесие	207
Император в изгнании	219
Набережная бездны	242
 Доля ангелов. <i>Повесть</i>	 247

КОМНАТА СТРАХА

рассказы

ЛАПА БОГА

26 августа 1856 года митрополит Московский и Коломенский Филарет благословил на царство императора Александра. В этот же день австрийский инженер Вильгельм Бауэр погрузился в подводной лодке собственного изобретения под воду Финского залива. На борту лодки, кроме самого инженера и команды, был военный оркестр, который исполнил «Боже, Царя храни». Экипаж пел. Тогда же в Выборге, на торжествах по случаю открытия Сайменского канала, по вине пиротехников занялась огнем башня святого Олафа, и пятисотлетний замок сгорел дотла.

У Марии Никитичны 26 августа случилась радость: из действующей армии в родовое поместье вернулся ее сын — тридцатичетырехлетний майор второго драгунского полка Иван. По случаю приезда Ванечки Мария Никитична распорядилась накрыть праздничный стол. Охая и держась за поясницу, ключница Наталья вытащила из подвала только засоленные огурцы, Прохор, поплевав на руки и перекрестившись, зарубил трех цыплят и заколол поросенка, а сама хозяйка повернула ключ в шкафчике с наливками. Наевшись и напив-

шись, Ваня расцеловал мать, сжав ее немощное тело своими красными лапищами, а потом, пьяный, завалился спать. Мария Никитична полночи сидела рядом с сыном: Ваня храпел, она плакала.

Иван приехал жить — не на время, а навсегда. По утрам он несколько часов гулял верхом, потом завтракал, запирался в комнате и дремал. После обеда Иван снова седлал коня и отправлялся на прогулку. С прогулки он возвращался с соседом, отставным поручиком (познакомился с ним на следующий день, как приехал), и вдвоем в столовой они выпивали за вечер штоф вина. Мария Никитична подслушала однажды их пьяный разговор и соскучилась: разговаривали они о полках, в которых служили.

Больше всего Мария Никитична хотела женить сына. «Что ж это ты, Ваня, хоть бы в церковь когда ходил», — она-то видела, сколько там по воскресеньям собирается красавиц со всей округи. В ответ на это Иван разламывал пополам куриный окорок и говорил: «Бога, матушка, масоны выдумали». Мать крестилась и испуганно умолкала. Так они прожили до конца года, а под Рождество Мария Никитична умерла. Войдя с мороза в дом, она топталась в сенях, отряхивая снег, побледнела, села на скамью, чтобы отдышаться, и через две минуты тяжело осела на пол. На грохот прибежала Наталья и успела разглядеть последнюю осмысленную искру в глазах своей хозяйки.

Смерть матери огорчила Ваню. Хоронили после праздника, он распорядился налить всем крестья-

нам по стакану вина и впервые (если не считать детских лет) оказался в церкви, на отпевании. Батюшке дал десять рублей, чтобы старался. С отставным поручиком на следующий день почти поругался: мать или родина есть самое святое для честного человека.

В феврале Иван охотился на зайцев, а в апреле сошелся с девкой Прасковьей: от нее пахло, но не сильно. В остальном Иван вел прежнюю жизнь: гулял и дремал перед обедом, пил вечером с отставным поручиком. Наталья ходила по дому раз в неделю с мокрой тряпкой, кряхтела и охала. Теперь за столом Иван обычно говорил ей: «Разбаловалась! при матери небось такого...» Наталья прятала глаза и подносила к ним платок.

Летом было жарко. Иван гулял верхом дольше обычного, вечером больше пил и один раз подрался с отставным поручиком, после чего тот целую неделю не приходил. Дремать на жаре было тяжело. Прасковья пахла хуже, чем весной, и глаза у нее стали наглые.

После Успенского поста Иван велел начистить свой мундир и за обедом сказал Наталье, чтобы готовила дом к свадьбе. «Когда, батюшка?» — «Не знаю, не знаю. Две недели... может, три». После чего оседлал коня и отправился искать жену. За четыре дня Иван объездил все окрестные дома, в которых были девицы на выданье. Приехав, он садился за стол и пристально разглядывал предмет своего интереса. Девицы рдели, родители стеснялись и говорили про урожай. Иван молча смотрел

и слушал, потом наедине с отцом выяснял «деликатный вопрос».

На пятый день Иван не поехал на прогулку утром, заперся в комнате и полдня яростно ходил из угла в угол. Наталья поняла, что дело серьезно, и полезла в погреб. После обеда Иван снова ходил по комнате, вечером велел сказать отставному поручику, что его нет дома, и потом еще до утра не ложился спать. Из всех девиц он выбрал не самую красивую, но самую спокойную — руки у нее, когда он смотрел на нее, не дрожали, только щеки равномерно полыхали. На пианино она не играла, но это же и плюс: не надо тратить на инструмент. Звали девицу Елизавета, давали за ней тысячу рублей.

Родители удивились, что так быстро, но оттягивать не рискнули. Следующие две недели Иван изо всех сил орал на Наталью и еще двух баб, которых она взяла в помощницы: к свадьбе дом сиял, столы, накрытые перед крыльцом, ломились. Праздновали три дня: на третий день Иван допился до того, что велел вылить в озеро бочку вина, чтобы рыбы в воде тоже выпили за его здоровье. Мужики молча, сжав зубы, выполнили приказ. Лиза испугалась и бледная сидела в комнате, мать ее гладила по коленям и сдавленно говорила: «Ну, доченька, теперь уж что...»

Через неделю после свадьбы Елизавета наконецпустила Ивана к себе в спальню. Иван ждал большего, но списал всё на неопытность девицы. Потом она прижималась к нему, дрожа (боль еще не

отпустила), и шептала: «Я обязательно полюблю вас». Иван мыкнул и, скучая, заснул.

Через семь недель Елизавета понесла. Она стала прижимать руки к животу, глаза ее иногда затуманивались, и за обедом она вдруг сказала мужу, что неплохо бы ему сделаться солидным человеком, лучше всего предводителем. «Чем ты, матушка, недовольна?» — спросил ее Иван и велел подать вина. Вместо ответа Лиза сказала, какой ужасный человек этот его поручик. Ночью после этого разговора ему первый раз привиделся сон, будто в животе его жены дети висят гроздью, как виноград, и будто бы он тоже вместе с другими детьми висит на этой грозди. Бог (во сне Иван знал, что это Он) рукой, страшной, как выкорчеванный пень, отщипывал от грозди по человеку и куда-то уносил.

Теперь этот сон снился ему почти каждую ночь: Иван просыпался от ужаса, боялся заснуть, стал пить перед тем, как ложиться, но сон возвращался снова и снова. Живот у жены разрастался с каждой неделей. По ночам Иван плакал от бессилия. Однажды утром, смурной и серый, он сел на коня и поехал в церковь. Со дня свадьбы священника он не видел. Иван заставил его отпереть церковь, дал ему десять рублей и велел исповедовать. Батюшка выслушал и сказал, что дьявол искушает его. Что рука, которую он видит во сне, без сомнения, рука врага рода человеческого. Погрязших в грехе людей этой страшной лапой он утаскивает в ад. И чтобы избавиться от наважде-

ния, нужно соблюдать пост, молиться и отказаться от порочных страстей.

Иван в ярости вылетел из церкви, напился с отставным поручиком, а потом поехал к девке Прасковье. Прасковья приняла его с радостью, и с этого дня Иван почти каждый вечер проводил у нее. Сон, однако, не отпускал.

Отсутствие мужа по вечерам стало слишком заметно, Елизавета мучительно допрашивала Наталью, и та наконец выложила ей всё. Услышав про Прасковью, Елизавета побледнела. Сердце ее бухнуло так сильно, что желчь из печени пролилась в матку. Ребенок, родившийся через месяц, имел всё, что полагается иметь здоровому младенцу, только кожа у него была по-стариковски жухлая.

Посмотрев на мальчика, Иван заперся у себя. Весь вечер из-за двери слышно было, как он бьет кулаком по столу. Ночью ему снова привиделся тот же сон. Спать с женой Иван перестал и обед велел поднимать ему наверх. В доме стало тихо.

В сентябре в деревне появился Федор Колесо — старец, известный тем, что многих обратил в христову веру. Говорили, что в Твери он заставил уверовать одного безбожника: сказал тому положить ладонь на стол, а как положил, воткнул в нее хлебный нож так, что кончик ножа вошел в столешницу. От боли и неожиданности безбожник уверовал, а как уверовал — рана тут же срослась. Колесом же старца звали потому, что в молодости он на спор перебрасывал тележные колёса через лошадь и тем зарабатывал себе на хлеб.

Всё это Наталья шепотом рассказывала Елизавете, Иван подслушал у дверей, а потом поймал ключницу в коридоре и буркнул ей, чтобы привела старца. «Что, отче, пьешь ли ты водку?» — спросил его Иван. Федор размашисто кивнул и сказал, что пьет. Иван приказал принести закуски. Первую бутылку они выпили молча, Иван подвигал старцу грибочки и огурцы. Потом он спросил: «Что, отче, тяжелая это работа — безбожников в христову веру обращать?» Федор помотал бородой: «Глупости тебе, барин, про меня наврали. Живую душу нельзя заставить, только Бог может. А беспокойная душа сама Его найдет». — «А что колёса кидал, не наврали?» — «Кидал, барин, было дело, потому и зовут меня Колесом».

Иван крикнул Наталью, чтобы принесла еще бутылку. Федор вдруг поднял глаза на Ивана и стал пристально в него вглядываться. Ивану стало неуютно от этого взгляда, и он снова спросил старца: «Ну, кидал колёса, это дело бывшее, а теперь-то чем занимаешься?» — «Теперь я, барин, не руками — глазами работаю. Хожу, учусь». Иван хохотнул: «Поздновато, отец, учиться вздумал, помирать тебе скоро, а ты за скамью». Старец не опускал взгляда: «Помирать всем скоро, а учусь я не на скамье: много ли, за ней сидя, поймешь. Моя учеба — на мир смотреть». Иван уже был пьян и говорил громко: «Ну смотри, смотри, старикан, учись», — махнул рукой и налил еще.

Выпив с Иваном, Федор достал из-под рубахи большой бронзовый крест, снял его с шеи и выло-